Читательская судьба кни-ги... Нет, это вовсе не то, как она воспринята критикой и чем закрепилась в трудах литературоведов, это явление ну-да более многостороннее и при-

тературоведов, это явление нуда более многостороннее и прикотливое, Бывает, что критини
«откликнулись», поспорили,
«оценили» и... забыли. А ведь
книги-то остаются с людьми,
читаются и обсуждаются, гдето снапливаются или чахнут,
работают или бездельничают...
Редакция «ЛГ» давно вынашивала идею — посмотреть,
как живет книга. Выбор пал
на «Картину» Д. Гранина. Вопервых, и сам ромай вызвал
много разноречивых суждений. Во-вторых, в нем много
проблем, коллизий, раздумий,
которые волнуют людей сегодня, притом не только специалистов. А в-третьих, до редакции дошла весть: роман
подтолкнул к принятию очень
интересного решения.
Однажды Даниил Гранин записал: «Старина необходима
современному человеку не
тольно ради украшения жизни. Она возбуждает особую

Однажды Дамиль Гранин записал: «Старина необходима современному человеку не только ради украшения жизнии. Она возбуждает особую любовь к родине, она противоядию от всеобщей стандартизации, в ней есть еще какойто необходимый нравственный витамин».

Пенза богата этим «нравственный витамин».

Пенза богата этим «нравственным витамином». Он растворен в ее улицах и скверах, в ее тесных дворинах, в играющих сочными красками старинных домах, многочисленных музеях, исторических памятниках... И у Пензы есть все основания не только гордиться славными страницами своего прошлого, но и щедро делиться знаниями о нем, напоминать старыми своими камнями, дорогими могилами об извечной истине — о неразрывности связи времен.

В день нашего знаном-ства с городом второй секретарь обкома партии Г. В. Мясников показал нам удивительные самодельные альбомы — в них стараниями энтузиастов-краеведов собраны имена пятисот вошедших в отечественную историю людей, живших в Пензе и внесших заметный вклад в нашу культуру, науку, искусство, прославивших Родину ратными подвигами. Есть среди них и воистину великие имена: Радищев, Лермонтов, Белинский...

Нет, совсем не случайно мы решили провести выездное заседание нашего клуба на пензенской земле.

Сюжет с проблемой

Стоит напомнить, хотя бы в словах, сюжет Мэр маленького «Картины». городка Сергей глубинного Лосев, Степанович энергичный, деловой, современный ру-ководитель, привозит из Москвы картину — дар городу Лыкову от вдовы известного русского художника Астахова. Этот-то, на первый взгляд, не суливший особых хлопот эпизод и послужил толчком для наиважнейших событий и в судьбе города, и в судьбе самого героя. В считанное время лыковцы и их председатель горисполкома оказались втянутыми в жаркую борьбу, разгоревшуюся вокруг строительства филиала крупного завода. С появлением в городе картины вдруг стало очевидным, что будущая стройплощадка, которую раньше (по согласованию с Лосевым, между прочим) было решено отвести под промышленный объект, - не просто территория, представлявшая интерес разве что для лыковской ребятни, но заповедная зона, историческая animus. rononas

В перипетиях борьбы за сохранение Жмуркиной заводи и дома, представлявшего историко-архитектурную ценность, борьбы, закончившейся победой города, победой Лосева, взгляды героя, сложившиеся в ходе этой борьбы, побуждают его отказаться от должности и уехать на одну из развер-

А. БОЧАРОВ. С творчеством Даниила Гранина моя профессиональная судьба оказалась связанной с 1954 года, с его первого нашумевшего рома-на — с «Искателей». С тех пор, над какой бы литературно-критической книгой ни работал, мне никак было не обойтись без Гранина. Это писатель очень острого общественного зрения, и это всегда неожиданностей. писатель Только привыкнешь к мысли, что он певец НТР — как часто о нем пишут, — как вдруг по-является его «Обратный билет», и вот уже Гранин превращается в патриарха, которому остается только вспоминать. А потом он предстает как блехудожник-документастящий лист — назову «Клавдию Вилор», «Эту странную жизнь» или созданную вместе с Алесем Адамовичем «Блокадную книгу». Затем, казалось бы, насквозь урбанист, рационаосваивает тему, прочно свя-

лист, он пишет «Картину» и занную в сознании с нашими писателями, разрабатывающими деревенскую тему. Причем не только осваивает, но обогащает ее призывом к сохранению природной городской среды. Как правило, книги Гранина вызывают живейшие споры. И это потому, что, в каком бы жанре ни выступал писатель, он ставит перед нами все новые вопросы бытия, побуждая сверять свою жизнь со все новыми образцами жизненного поведения, воссоздаваемого в его прозе.

Наверное, я мог бы прочитать свое опубликованное в «Роман-газете» послесловие к «Картине» и этим ограни-читься. Но у нас не юбилейное чествование, и здесь уместно коснуться некоторых спорных вопросов.

Когда я принялся читать роман, то поначалу ловил себя на том, что то одну, то другую сцену воспринимаю как дань каким-то модным поветриям. Так, споткнулся на разговоре с ересиархом — вы, наверное, помните диспут Тучковой с соборным служкой? Эпизод показался неоп-

Спотыкался, читая про хит-

рости Лосева, про его заботы о том, когда пустить а ход «белозубую улыбку». могда позвонить, кого улестить, как объехать, обойти, какой роли держаться. Какое-то неестественное человеческое состояние, которое он рассматривает как естественное! Описание подобных «деловых» отношений тоже кочует из книги в книгу. Для познания жизни все эти тонкости, может, и хороши, но для читателя, мой взгляд, есть нечто кощун-ственное в том, что с председателем облисполкома надо говорить не уповая на логику, а с подходом, с подгадом.

Вообще же мир руководя-щей сферы мне показался выписанным очень честно, очень хорошо.

Задавался вопросами. Вот автор поставил Лосева в определенную ситуацию. А как повел бы себя герой, если бы был «человеком со стороны», если бы не купался в Жмуркиной заводи мальчишкой? Может, он все-таки пожертвовал бы домом Кислых? Может, пошел бы на компромисс, ведь, будучи заместителем Уварова, он действительно мог гораздо больше сделать для города? Тут мне показалось, что облегчил себе задачу писатель.

Вопрос, что сохранять из прошлого, необычайно сложен. В этом смысле гарантированы прагматичный, фанатично елужащий своему делу.

Питоратурная газаты г. Моснва

> К счастью, жизнь подарила мне встречу с замечательным человеком. ныне известным архитектором. Помню, водил я его по городу, хвалился планами, гордился собой. И вдруг он начал меня отчаянно ругать. Он говорил о красоте исторического городского рельефа, восхищался деревянной архитектурой, напоминал об ответственности градостроителей за сохранение культурной среды старых городов. Это был хороший урок

К. ВИШНЕВСКИЙ. Я, модля себя больше, но хотел бы уяснить: в своих решениях сносить — не сносить, менять — не менять чем вы

Р. ПОПРЯДУХИН. Разными, конечно, соображениями - необходимостью, практической целесообразностью. Но и чувством совести, разумеет-



Роман Даниила Гранина «Картина» с разных точек зрения

нравственную высоту, не сумеет на ней удержаться, что он для этого еще слаб. И тогда он решил Лосева «выручить».

К, ВИШНЕВСКИЙ, Мы все почему-то думаем, что Лосева переродила картина. Она, конечно, оказала на него влияние. Но ведь Лосев от рождения лирик и фантазер. У него и отец

ного Совета РСФСР в перерыве между заседаниями мы попали на выставку в Манеж. Свободного времени-полтора часа, а перед глазами тысячи картин. Ощущение, когда вышли на улицу, было такое, словно мимо пронесся скорый поезд, сверкая огнями. Помню, подумалось тогда: нет, для общения с искусством порой нужны отрешенность, тишина, сосредоточенность. Не потому ли у людей сейчас такая тяга к созданию личных библиотек, коллекций, что хочется им иногда выключиться из екоростей века?

В своих поисках эффективных способов пропаганды нашего искусства, исторического наследия мы стараемся эту человеческую потребность учитывать — открываем небольшие, если можно так выразиться, камерного звучания музеи. Создали мемориальный музей семьи Ульяновых, дома-музеи А.И.Куприна, А.Г.Малыш-кина, Н.Н.Бурденко...

Сегодня, когда происходит наш разговор, мы готовимся к еще одному важному для города событию — к открытию Музея одной картины.

Когда Даниил Александрович Гранин писал теперь всем хорошо известные страницы романа про то, как в школьном классе повесили картину и как в город Лыков стали отовсюду рая будет выставлена, ост знакомство с иконографией молчаливое свидание с карт ной. По собственному опыт знаю, какое это непросто - созерцание одног произведения, какая эте трудная душевная работа. Но зато впечатление остается и всю жизнь. Радует, что идея текого

зея идет от руководства области. Не считается, что все это отвлекает пензенцев ет хозяйственных задач. Казалось бы, красота, некусство не несут прямых выгод, не входят в показатели области. Но в Пензе увлеченно занимаются красотой города, занимаются его историей, теми земляками, которые составили славу края. Здесь воспитывается благодарное потомство и памятливов. Проблемы, поднятые в ро-

мане, сомкнулись с практикой здешней жизни. Поэтому обсуждение получилось особенно для меня интересным. Конечно, автору по ходу разговора трудно удержаться от соблазна вмешаться, защитить своих героев и свой замысел. Но книга не может пользоваться такой опекой, она должна найти силы самозащиты, иначе ей не прожить. Было, однако, замечание, которое кажется мне принципиально важным, заслуживающим обсуждения. Да, Лосев, вероятно, выглядит и действует как одиночка. Но ведь и необходимо в чем-то быть одиночкой. Когда сам для себя решаешь какие-то вопросы, надо уметь быть одиночкой и не жить чужими истинами и готовыми, бесплатными решениями. Надо, очевидно, самому пройти свой путь, самому докопаться до ответа, пусть простого, но без подсказки. Иногда хорошие указания, помощь, подталкивания не дают человеку возможность дозреть. Статья в газете не помогла Лосеву, а мешала ему, она отнимала радость победы, делала ненужной дальнейшую борьбу, к которой он готовился.

О романе в целом. В отличие от других моих вещей, он не столько задумывался, сколько вырастал сам по себе. Пожалуй, впервые я не препятствовал и не направлял, а писал, как писалось, следуя за тем, что происходило, и до тех пор, покуда мне было интересно. Наверное, поэтому и есть в романе что-то лишнее и неконченное, появляются какие-то люди, которых я и сам толком не знаю. Но вычеркивать, наводить стройность не хотелось принципиально.

Более того, происходили некоторые события ненаписанные, и я их даже не разъяснил, они остались за горизонтом сюжета. От них есть местами что-то непонятное, то есть я-то знаю, что произошло, а для читателя есть какие-то недосказанности. Ну и пусты! Мне кажется, что такая недоговоренность на вообще присутствовать в каждом повествовании. Нет. Насчет каждого не уверен, но прием этот я впервые опробовал, и он мне понравился. Но вообще в который раз убеждаюсь, что когда кончил работу, даже если в целом она получилась, удовлетворения нет. Самая ра-

дость была, пока писал.

И последнее. Есть города, которые постепенно утрачивают свое лицо. Меньше становится памятных мест, заветных уголков поэзии. Пенза, насколько я могу судить, приобретает эту красоту, своеобразие города увеличивается. Одной из таких неповторимых примет становится рождение Музея одной картины. И то, что роман помог появлению этого музея, конечно, доставляет большое удовлетворение. Могут сказать, что роман писался не для этого, что литература не обязана вызывать такой прямой, непосредственный отклик. Правильно, не обязана, и не этим определяется ее ценность. Но все же, когда это происходит, ничего не можешь поделать со счастли вым чувством, чувством активного соучастия в жизни, зримых результатов. Тем более что это связано с искус-

В. ПОМАЗНЕВА пенза

ли мы от повторения поливановской трагедии, в которую нас погружает Гранин? Ведь Поливанов жег иконы, церковные книги, он считал, что поступает правильно. Мы тоже думаем, что все делаем правильно. Но разве не может получиться, что то малоценное, что мы сегодня сносим, завтра окажется исторически ценным? Интересно, как определять допустимый предел компромиссов в этих вопросах? Чем можно жертвовать, а чем нельзя? Я не нашел в романе четкого ответа на этот вопрос.

А. НУЙКИН. Мне кажется, ответ на поставленный моим коллегой очень интересный вопрос в романе дан. И достаточно четкий. Разумеется, компромиссы в жизни любого человека, а тем более руководителя крупного масштаба неизбежны. Но есть черта, переступив которую, мы уже перестаем бороться за идею, а начинаем ее предавать. Трудность в том, что рецептов в этих вопросах разработать нельзя, все решается зависимости от конкретных обстоятельств, каждый раз как бы заново. Но найти предел компромисса допустимого всегда можно, об этом и написан роман, - надо «просто» чутко прислушиваться к своей совести, верить ей. И это не идеализм, не уступка сентиментальности, а очень серьезный, можно сказать, «всесферный» критерий.

Уваров всем хорош в романе, почти идеал руководителя: честен, принципиален, строг, любит свое дело, умеет все организовать четко, проверить исполнение... Но почему же в конце романа Лосев с его проснувшейся духовностью все-таки уходит из управленческого аппарата, а подхалим, мелкая душонка Морщихин садится на его место? Почему столь «прекрасный организатор» Уваров в минуту откровенности вынужден жаловаться Лосеву: «Знал бы ты, как мне трудно. Ничего не получается. Бьемся, бьемся...»

Д. Гранин, думается, точно недостаток, который сводит на нет все таланты Уварова. Он ведь не случайно декларирует: «Честность понимаю, ее можно проверить. Правда — неправда, полезно — вредно, приятно — неприятно, все понимаю, а совесть бесконтрольное состояние».

Из-за непонимания этого «эфира» и группируются во-круг Уварова морщихины, а лосевы отсеиваются.

Р. ПОПРЯДУХИН. хранять из памятников прошлого? Ответ вроде бы прост: надо сохранять все. Тогда ошибок не будет. Но реаль-ность такова, что это невозможно. Будут развиваться города, строиться плотины, возводиться электростанции жизнь ведь неостановима. Мы не Иваны не помнящие родства, но я сторонник того, чтобы подходить к этим проблемам с чувством известной меры. Все-таки немного назойливой становится волна произведений с патриархальным уклоном, с поэтизацией и абсолютизацией прошлого. Как раз роман Д. Гранина подкупает именно тем, что в нем нет этой апологетики.

В наш город я приехал молодым, из молодого сибирского Ангарска. И, конечно, мне, грандиозными начиненному планами, хотелось превратить Пензу в современнейший, из стекла и бетона город. Между прочим, в те годы многие мои сверстники были околдованы НТР, в единственное достоинство возводилась способность шагать с ней в ногу, изыскивать способы все более скорого, более экономичного, рационального строительства. Литература, кстати, тоже способствовала упрочению представлений о том, что истинным героем наших дней является человек без сантиментов,

В РАЗГОВОРЕ УЧАСТВУЮТ:

Пензенского обкома КПСС Георг Вавторой секретарь МЯСНИКОВ (он председательствовал); критики доктор филологических наук Анатолий Георгиевич БО-ЧАРОВ и кандидат искусствоведения Андрей Александрович НУЙКИН; директор Государственного Русского музея в Ле-нинграде Лариса Ивановна НОВОЖИЛОВА; председатель Пензенского горисполкома Александр Евгеньевии ЩЕРБА-КОВ; завуч средней школы № 14 гор. Пензы Людмила Федо-ровна ЗЕФИРОВА; токарь «Пензмашзавода» Герой Социали-стического Труда Юрий Владимирович СЕДОВ; главный архи-тектор гор. Пензы Роман Николаевич ПОПРЯ ДУХИН; заведукафедрой Пензенского педагогического института имени В. Г. Белинского доктор филологических наук Кирилл Дмитриевич ВИШНЕВСКИЙ; ответственный секретарь Пензенской писательской организации Николай Иванович КАТКОВ, а также автор романа.

ся. Я люблю свой город, и, думаю, в наиболее сложных случаях это меня выручает.

Ю. СЕДОВ. Я когда про Жмуркину-то заводь читал, то сразу представил себе наш Калашный затон, там рядом строится сейчас завод. Ведь сохранили же эту красоту, эначит, можно! По-моему, городские власти правильно решают, по Лосеву. И старов бережем, и новое строим. что все сохранить Верно, Надо сберегать, что нельзя. дорого. А как это делать? Каждый по-своему решает. Вот мне, например, дорог был отцовский дом. Но он стал аварийным, его сломали, а мне же память об отце я сохранил: взял с собой дверь от старого дома. Отец мой ходил, эту дверь ходить буду! н. катков. Действительно.

не ради иллюстрации к истине, что искусство облагораживает человека, написан роман «Картина». Все значительно глубже. Встреча с настоящим искусством действительно выводит человека на новую нравственную высоту. Но поднявшись в понимании жизни на ступеньку выше, надо не останавливаться, идти дальше. Совесть должна диктовать гражданскую активность, побуждать на поступки. А то ведь иной раз слова-то человек произносит верные, да только они не соответствуют его реальным делам. От правильных мыслей до гражданских поступков дистанция бывает огромная. И над этим заставляет нас задуматься роман, может быть, даже тревожно

Г. МЯСНИКОВ. Мне все-таки хочется поддержать роман и за его рациональную полезность, прежде всего за правильную постановку проблемы взаимоотношений нынешнего дня и дня прошлого. В «Картине» интересно, значительно разрабатывается идея необходимости гармонии памяти и запросов общества: От решяния этой проблемы зависит ни много ни мало то, какими предстанут наши города, вообще земля перед глазами потомков, осудят ли они нас или

вспомнят с благодарностью. В романе убедительно проводится мысль о гражданской, о личной ответственности каждого человека за судьбу исторических памятников. И с чем я абсолютно согласен: решить весь комплекс вопросов, связанных с сохранением облика старинных городов, могут не фанатики типа Поливанова, а облеченные властью, доверием народа руководители. Выразителем этой мысли выступает в романе Лосев. Фигура интересная, колоритная, но всетаки, на мой взгляд, спорная.

HOCTYHOR

и совесть

Ю. СЕДОВ. Я не силен в полемике, но у меня таков впечатление, что Георг Васильевич вроде как принял Лосева, но не совсем. Мне тоже сначала Уваров больше понравился как руководитель. Но вот дочитал я до того места в романе, когда между ним и Лосевым случился разговор в аэропорту, и понял: Уваров-то ведь карьерист. Его волновало одно: а как он будет выглядеть в глазах начальства? И дом Кислых он приказал взорвать, только чтобы показать себя хозяином слова.

Другое дело Лосев. Он не только по должности, а душой болел за дело. Ему хотелось, чтобы жизнь в Лыкове становилась все лучше, чтобы людям нравилось в этом городе жить. Побольше бы нам таких председателей горисполкомов.

Л. ЗЕФИРОВА. Мне хочется защитить Уварова. Послушайте, какая характеристика ему дана: «От него передаваощущение хозяина, то есть здравого смысла, с понятной для всех заботой о выгоде для области, для людей, с подсчетом каждой копеечки, с присмотром. размахом... Всегда одинаково энергичный, к действию, он был как электрический ток и так же, как ток, опасен».

Ю. СЕДОВ. Он вам нравит-Л. ЗЕФИРОВА. Не этим,

разумеется. Хотя почему бы руководителю и не быть опасным для, скажем, демагогов, очковтирателей? И потом, мне кажется, что Андрей Александрович Нуйкин

к процитированным им словам Уварова доверчиво относится. Неужели вы думаете, что он и в самом деле не знает, что такое совесть? к. вишневский. Верно, мы не берем во внимание, что

Уваров-то совсем не против красоты. Он согласен Жмуркину заводь оставить. Ему не важно, где будет строиться а важно, чтобы он был. Он просто пеняет Лосеву, что тот неграмотно работает. Так что Уваров не такая уж бесчувственная машина.

л. ЗЕФИРОВА. Читательские симпатии, конечно же, на стороне Лосева, и это вполне объяснимо - он нам понятней, ближе, нежели Уваров.

Но, по-моему, Лосев все-таки не герой нашего времени. Он обыкновенный человек. обыкновенность его в том хотя бы, что он все-таки не выдерживает испытания. Во всяком случае появление Морщихина на посту председателя горисполкома я поняла как сдачу позиций

Ю. СЕДОВ. Так Лосев же добровольно отказался от должности, может, он пошел вниз, чтобы помыслить, поду-

ЗЕФИРОВА. Не знаю. Возможно, вы правы. Но обратите внимание. Вначале Лосев весь энергия, воля и обаяние. Это сильный, знающий, чего хочет добиться, человек. Но по мере того, как картина, заводь, отношения с Тучковой начинают иметь для него все больший смысл, он как-то теряет свою силу.

Я все гадала, как будут развиваться события — ведь не может он без конца сомневаться, колебаться. И действительно, с жестокой смертью Поливанова на улице Лосев из человека, еще в чем-то неуверенного, превращается наконец в убежденного борца: уж теперь-то он Жмуркину заводь, свою идею будет отстаивать до конца. И тут вдруг статья в «Правде». Меня такой поворот ошеломил. Зачем она появилась так некстати? Я нашла такое объяснение. Видимо, писатель почувствовал, что герой, которого он поднял на такую

был такой, а я верю, что свойства характера по наследству передаются. Вспомните, о чем Лосев мечтает. О «лишнем» жилом доме. Чтобы каждый, кто захотел, мог сразу получить ключи от квартиры. Какая замечательная мечта! А. ЩЕРБАКОВ. Я прочел ро-

ман с глубоким сочувствием к Лосеву. Хотя, с точки зрения человека, исполняющего в жизни те же обязанности, что и герой «Картины», могу заметить, что действовать так, как это делает в романе Лосев, председатель горисполкома в действительности не может. Лосев вращается среди случайных людей, обсуждает вопросы совсем не в той среде, в которой они в действительности должны обсуждаться. Он выглядит одиночкой, даже анархистом. Но это попутно, Главное, образ получился живым, достоверным. Я увидел героя. близкого и понятного мне Но что во мне как в читателе вызывает активный протест, так это конец романа. Для чего нужно было сначала куда-то отправить Лосева, в потом устами проходного персонажа многозначительно намекать - он еще вернется, потому что такого человека время потребует? Да время его требует уже сегодня, сейчас!

Г. МЯСНИКОВ. Боюсь грешить, но ощущение такое, что писатели почему-то стали бояться «счастливых концов». Было время, когда их критиковали за лакировочные произведения, за то, что какие бы несчастья ни сыпались на голову героя, он всегда выходил победителем, Сейчас просматривается другая крайность. Не думаю, чтобы Даниил Гранин шел на поводу у моды. Видимо, у него есть какие-то внутренние побуждения и объяснения, хотя, честно говоря, уход Лосева, его безвестность, на мой взгляд, нелогичны по отноше-

А. БОЧАРОВ. Я буду полемизировать с уважаемыми мной людьми, ибо считаю, что именно финал романа все расставляет по местам. Лосев должен был уйти со своей должности. Во-первых, потому, что виноват. Это он одобрил план застройки, он допустил служебный просчет. Пусть потом он пришел к правильному решению, но потом, а не сразу. Дочитав до конца, я наконец понял, почему понадобился в романе этот бессмысленный, как поначалу показалось, разговор с ересиархом Ильей Самсоновичем. В нем ключ к философии романа: если мы хотим проверить человека на человечность, ад и рай должны по-меняться местами. То есть повышение по службе - не пряник за правильное решение.

Для меня название гранинской повести «Кто-то должен» открывает многое. Все-таки, что такое долг человека в неблагоприятных для него обстоятельствах? Гранин считает, что обязан побеждать не просто душевный порыв, как это у Лосева, а сознательный долг, который ведет человека по жизни и который так часто вступает с ней в противоречие.

И еще. Отказ Лосева от делжности - это, конечно же, не отказ от дела. Это отказ от того Лосева, который, говоря словами Гранина, был покрыт «защитительными покровами», покровами, препятствующими проявлению лучших человеческих качеств. Путь Лосева, по которому он проходит в романе, это путь человека, с годами едва не потерявшего себя, к человеку, стремящемуся вновь стать собой.

жизнь идеи

г. мясников. Говорят, что литература не оказывает прямого воздействия на жизнь. Но вышло так, что роман «Картина» вмешался-таки в нее самым непосредственным образом и даже повлиял на нашу практическую деятельность. Как-то в дни сессии Верхов-

стекаться люди, пожелавшие

ее увидеть, он, наверное, не предполагал, что мы поймем

их как писательское одобрение

Мне представляется, что ху-

дожник, воплощая в слове ту

идею, которая побуждает его

взяться за перо, всегда стремится так или иначе разре-

шить вопрос о месте человека

наших поисков.

в жизни, о его предназначении, о его счастье. Но, с благодарностью беря в руки книгу, мы-то не всегда задумываемся: а в чем же состоит счастье самого творца? Помоему, оно не тогда ощущается художником с наибольшей полнотой, когда произведение выходит из-под его пера, и даже не тогда, когда приходит к читателю, но тогда, когда жизнь реализует воплощенную художественном слове идею.

л. новожилова. Даниил Гранин никогда не берется за однозначных блем. И книга, о которой мы сегодня говорим, стала предметом обсуждения именно потому, что взывает к совести особенно человека, такого который имеет возможность решать, влиять на ход собы-Для писателя, по-моему, тий. несомненно, что история заставляет мерить дела человеческие мерой непреходящих ценностей. Гранин не декларирует своих выводов, он ищет, ибо в каждую эпоху, каждому поколению приходится в известной мере заново, самостоятельно обдумывать, состоят эти ценности, и чем

их измерять. Писатель справедливо считает, что не так все просто в отношениях между искусством и жизнью, как принято думать. Да, искусство благотворно влияет на человека, оно воспитывает. Но когда мы начинаем внимательно всматриваться в эти отношения, то обнаруживаем, что влияние искусства зачастую бывает поверхностным. Поэтому не стоит усыплять себя иллюзиями, надо искать и находить новые формы воспитания искусством.

В этом смысле Музей одной картины - начинание настолько важное (таких выставок пока нет в мире), что Русский музей пойдет на то, чтобы показывать в нем некоторые из своих шедевров.

Слово автору

Д. ГРАНИН. Почему Пенза? Город этот, незнакомый мне, возник, однако, не случайно. Вчера мы осматривали особняк, где будет размещаться Музей одной картины. И его положение, и планировка соответствуют этому театру одной картины, как назвал его Георг Васильевич Мясников. В задуманной режиссуре есть рассказ о картине, кото-

В моей литературной работе такое случилось впервые. Записала